

РОМАН «ОБЛОМОВ» И ДИСКУССИЯ О ЕГО ГЕРОЕ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ ПОНИМАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена анализу дискуссии, развернувшейся в среде российской интеллигенции во второй половине XIX–начале XX в., по поводу романа И.А. Гончарова «Обломов». Автор показывает, что основной частью мыслящего общества это художественное произведение было воспринято как концентрированное выражение национальных черт характера и способа миропонимания русского человека.

Ключевые слова: общественная мысль, российская мыслительная традиция, социально-психологический подход, нравственная философия, трудовая мотивация, национальный характер.

Вопрос о художественной литературе как историческом источнике в 60-х гг. XX в. вызвал широкую дискуссию в отечественной историографии. Результатом обсуждения проблемы стало признание правомерности использования историками этого документального комплекса. В то же время участники полемики отмечали, что в литературном произведении историку следует искать не столько свидетельства о конкретных фактах, сколько воплощение нематериальных аспектов бытия, а именно, характер понимания современниками определенных событий и явлений, а также их отношение к ним [23, 125]. Эта позиция была достаточно емко сформулирована Л.Н. Гумилевым, который писал, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи» [12, 82].

В контексте такого понимания информационных возможностей художественной литературы, востребованность которой как исторического источника особенно возросла в последние двадцать лет в связи с активной разработкой социально-психологической проблематики, мы обратились к роману И.А. Гончарова «Обломов», публикация которого вызвала в середине XIX в. широкий общественный резонанс. Практически сразу же после выхода из печати (Отечественные записки. 1859. №№ 1-4), несмотря на отсутствие единодушия во мнениях, он был воспринят как концентрированное выражение национальных черт характера и способа миропонимания русского человека. В главном герое романа, невзирая на антипатию, вызываемую его ленью и апатией, был увиден коренной, всероссийский тип, «крепко сцепленный с почвой народной жизни», вобравший в себя все «элементарные свойства русского

человека», «равного которому по широте» не было создано ни одним из русских писателей.

Анализ текста романа, раскрывающего воззрения его создателя, и работ различных авторов, посвященных его интерпретации – литературно-критических статей, публицистических произведений, философско-этических трактатов, писем, записок, заметок, позволяет увидеть, как наши соотечественники в XIX – начале XX в., постигая суть романа, подбирали ключ к пониманию русского национального характера и специфики жизненной стратегии его носителей.

Основную форму бытования Обломова российские мыслители определяли как беспробудный сон, инертность, жизненная и умственная апатия, основанные на отсутствии мужественности, силы и импульса к действию. По их словам, Илья Ильич «не умеет и не хочет бороться с чем бы то ни было и как бы то ни было». Пребывая в состоянии бесплодной утопической мечтательности, он испытывает отвращение и презрение к любой деятельности («Да разве я мечусь, разве работаю?... Я ни разу не натянул себе чулок на ноги... хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался») [22, 9; 13, 347; 7, 173].

Признавая, что Обломов это не исключение из правил, а общественный тип («многие нашли его в себе»), российские мыслители стремились установить истоки этой инертной жизненной стратегии, этой волевой пассивности, названной Гончаровым «обломовщиной».

Первое время после выхода романа этот национальный недуг, эту «психопатологию русской национальной формы», чаще всего трактовали как «печальное следствие рабства», оказывавшее разлагающее воздействие как на крепостных, так и на крепостников. Парализуя волю человека, его потребность в самостоятельной творческой деятельности, возводя презд-

ность «в принцип, в исключительную привилегию людей умных и талантливых», оно деформировало общество нравственно, утвердив в нем представление, что «сидеть сложа руки почетнее, нежели суетиться с работою» («Барчонок, пожалуй, и сам оденется; но он знает, что это для него вроде милого развлечения, прихоти... Некому, что ли, подать и сделать для него все, что ему нужно?»). Однако праздное времяпрепровождение представлялось привлекательным и людям из «простой среды». Добролюбов, в частности, обращал внимание на то, что Обломов внушал «к себе благоговейную любовь доброй вдовы Пшеницыной именно тем, что он барин, что он сияет и блещет, что он... ”не пишет беспрестанно бумаг, не трясется от страха, что опоздает в должность”» [13, 349].

В то же время российские мыслители всегда осознавали, что крепостничество не было единственной причиной, породившей обломовщину. Этот факт стал для них самоочевиден, когда и по прошествии многих десятилетий после отмены крепостного права – уже в начале XX в. – «Обломовы продолжали жить в русской среде». По их мнению, основой формирования обломовщины послужила так называемая «славянская природа», сложившаяся в результате сочетания следующего ряда факторов: природно-климатическая среда, патриархально-общинная организация социума, народный эпос, приметы и суеверия языческого характера, православная религиозная традиция. Именно на них акцентировал внимание Гончаров в IX главе романа («Сон Обломова»), в которой он предпринял попытку прикоснуться к «таинственной психеи народной жизни» и сделать, как писал А.В. Дружинин, первый могущественный шаг «к уяснению Обломова с его обломовщиной» [14, 450].

Отмечалось, что воссозданный в «Сне Обломова» «мир тишины и невозмутимого спокойствия» как в природе («правильно и невозмутимо совершался там годовой круг»), так и в сфере социальных взаимоотношений («тишина и невозмутимое спокойствие царствуют и в нравах людей в том краю», живущих единым миром), стал основой формирования «мечтательного, ленивого и кроткого характера Ильи Ильича». Наблюдая окружающую жизнь, он «бессознательно чертил программу» собственного «косного» бытия («отцы и деды не глупее нас были... да прожили же век счастливо; проживем и мы», только бы завтра было «похоже на сегодня, а послезавтра на завтра»), которое в условиях традиционной культуры считалось нормой, соответ-

ствующей идеалу благообразия и благочестия, в отличие от «зверообразного рвения» деятельной жизненной стратегии [11, 328; 19, 245].

Говоря о климате и социальной среде как характерообразующих факторах, Гончаров по сути дела представил целостную «геополитическую концепцию» формирования русского национального характера. Примечательно, что ее основные положения, выраженные художественным слогом, в полной мере соответствовали суждениям многих отечественных мыслителей XIX – начала XX в., которые были ими изложены в исследованиях, посвященных философским, историческим и государственно-правовым вопросам. Как и Гончаров, они считали, что необъятные просторы, вялость, неторопливость сезонных ритмов «давили русскую энергию», порождая «лень, беспечность, недостаток инициативы» и располагая «к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли» [6, 279; 17, 87].

Они обращали внимание, что подавляющее воздействие на индивидуальную активность оказывала и доминировавшая в народной среде система социальных отношений. Сохраняя семейно-родовой облик, предполагавший «исчезновение личности в общем», она не позволяла человеку провести резкой черты между собой и другими, а следовательно, и построить свою жизнь на основе сухой рациональности и практичности.

Эти мотивы наши мыслители считывали во всех произведениях Гончарова, повсюду несшего «почву родной Обломовки на ногах». Они обращали внимание на то, что автор «Обломова», поэтизируя тепло межличностных отношений, представил картину жизни «миром» не только в среде крестьян, но и в кругах мелкопоместного дворянства. Если крестьяне были всегда готовы «сотворить святую милостьню Христа ради» по отношению к каждому страждущему, подав «краюху хлеба», то помещик – «кормить целую ватагу старичков и старушек», поддерживать деньгами и продуктами близких и дальних, участвовать в благотворительных акциях и пожертвованиях. В этой атмосфере человек, зная, что не останется один на один с невзгодами, неизбежно как-то расплывался, лишался упругости, энергии; распускался в море семейной любви и мирной родственной близости; убаюкивался, предавался покою, нравственной дремоте и, подобно ребенку, становился доверчивым, слабым, беспечным [20, 255; 9, 57; 15, 339].

Отечественные мыслители считали, что такую же миронастроенность сообщала русско-

му человеку и народная сказка, так называемая «Илиада русской жизни», в которой, по словам Е.Н. Трубецкого, «сочувствие лени и воровству граничит с апофеозом лентяя и вора» [25, 244]. Гончаров писал, что сказочное предание напевывает «о какой-то неведомой стране, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют», где является добрая волшебница и осыпает какого-нибудь Емелю-дурачка «разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье» [8, 98].

Однако русские мыслители, как и сам автор «Обломова», были убеждены, что это лишь внешний пласт. Истинный смысл сказки – этой народной воспитательницы – гораздо глубже. Свое, тщательно завуалированное, понимание сущностного смысла предания о «ни с того ни с сего» одаренном щукой-волшебницей дурачке-лентяе Гончаров выразил одной фразой: Емеля – не просто какой-то любимец, а тихий и безобидный юноша, которого все обижают. На то, что Емеля осыпан дарами не вдруг, обращали внимание многие отечественные мыслители. Они считали, что все им полученное было наградой за каждодневное смирение, непривязанность к материальным благам, участливое отношение к страждущим, безропотное сношение обид и великодушное прощение обидчиков.

По их мнению, в образе вечно лентящегося дурачка-запечника народ выразил свой жизненный идеал, свое представление о должной жизненной стратегии. Демонстрируя убожество любимого героя (любопытна в дальнейшем смена планов – сказочного на христианский: дурак / блаженный), он как бы насмеялся над умом, «над тем, что считается умом между людьми» (как правило, у старших разумных братьев Емели / Ивана имен нет). Не случайно в сказках гордость ума всегда побеждается смиренной простотой, а своекорыстная погруженность в будничные заботы, мелочи и дрязги – демонстративным неделанием («Я ленюсь!» – заявляет дурень) и безразличием к символам земного преуспеяния. В успехах героя его личные качества, сила и ум не играют никакой роли, для сказки человеческое дело – ничто. Его удачливость основана на безграничном доверии к природе (чтобы сделаться героем, Емеля / Иван «должен влезть в одно ухо своему чудесному коню и вылезти в другое» или искупаться в громадном чане с молоком «от всякой скотины») и высшей силе, высшей мудрости, являемой в образе либо Василисы Премудрой, либо Серого вол-

ка, либо Конька-горбунка, либо Щуки. Только с их помощью удастся решать любые, даже абсолютно непосильные с житейской точки зрения, задачи. Так, превознося дурака над умным и деловитым, сказка провозглашает идею человеческого бессилия (потому-то и нужна помощь ближних, природы, высших начал) и необходимость поиска «инога царства» вне обычного житейского довольства [1, 153; 24, 458].

Вероятно поэтому, человеку, воспитанному на русской народной сказке, ни одно земное дело не представлялось самоценным, достойным приложения усилий и поглощенности души. Невозможность свершить абсолютно содержательное действие превращает его в пассивного наблюдателя окружающего мира, который во имя относительного и частичного не считает нужным прилагать каких-либо усилий. Именно таков ход мыслей был у сказочного Емели / Ивана, точно также рассуждал и Обломов Илья Ильич. Не случайно многие мыслители в бездействии Обломова видели не только природную лень и барское иждивенчество, но и следствие разочарования умного и честного человека в возможности такой деятельности, «из-за которой стоило бы лишиться покоя». Всякий раз, сталкиваясь с внешним миром, он осознавал, что общественная жизнь ничего не может ему предложить, кроме пустоты [2, 91; 13, 351].

Эту точку зрения со всей полнотой выразил и сам Гончаров. В письмах к С.А. Никитенко он отмечал: «Представьте себе... донкихотскую борьбу лет тридцать с жизнью... представьте непрерывное падение, обман за обманом, охлаждение за охлаждением... Другие... мирятся с жизнью, как она есть...<...>...мирятся с ее маленькими пошленькими благами – и вне сферы этих благ ничего не признают и никогда из нее не выглядывают». Тем же, кому не удастся такое примирение, остается лишь впасть в «бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой природы», «закрывать глаза от ужаса и онеметь» [10, 332, 366].

В романе эти мысли Гончаров озвучил устами Обломова в сценах «парад гостей» и «ночной спор со Штольцем», в которых Илья Ильич, обозревая окружающих и фиксируя их поглощенность «дрянными страстишками», жадностью, сплетнями, пересудами, «оглядываньем с ног до головы», завистью («бледнеют от успеха товарища»), определяет жизнь общества как «ежедневную пустую перетасовку дней», наполненную мелким тщеславием вместо разумных стремлений. Такого рода повседневность, по его словам,

и задула в нем, некогда «тоненьком и живом мальчике» с томами Руссо и Шиллера в руках, огонь жизни, заставив вопрошать: «Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь? <...> Что ж это за жизнь?» «Нет, это не жизнь, а искажение нормы, идеала жизни, который указала природа целью человека...». «Я не хочу ее. Чему я... научусь, что извлеку», чем я виновнее других, «лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?» [8, 22, 332, 366].

Подхватывая эти вопрошания, отечественные мыслители отмечали, что лежание Обломова по сути своей мало отличается не только от светской беготни, но и от таких трудовых усилий, которые предпринимают деятели типа Штольца. Признавая нравственную пользу призывов к труду («проповедь труда не лишена морального оттенка»), они не одобряли мотивов, которыми обосновывалась его необходимость – «труд для самого труда» [21, 316; 16, 234]. Н. Ашхарумов – автор одной из рецензий-откликов на роман – в 1860 г. писал: «Труд, как конечная цель, немногим более имеет прав на наше уважение, чем обломовский отдых или покой; потому что, как то, так и другое, в смысле конечной цели, может клониться только к личному удовольствию... Что нужды, что один лежит на боку, а другой трудится без отдыха и без остановки? Если ни тот ни другой не имеют при этом в виду ничего, кроме собственного удовольствия, то кто поручится, что труд одного будет полезнее лени другого?» [4, 610].

Обозреватели романа считали, что единственно достойным мотивом к труду может считаться только стремление свершить общественное дело, а именно такое, которое направлено «на проложение путей внутреннего развития России», на решение «вопросов о народе, об устроении его экономического быта». По их мнению, «иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты», т.к. «трудно согласить личные интересы с чистотой убеждений». Не случайно деятельность Штольца, «удовлетворенного своим одиноким, отдельным, исключительным счастьем», практически у всех вызывала подозрение: «что он делает и как он ухитряется делать что-нибудь порядочное там, где другие ничего не могут сделать, – это для нас остается тайной». И этот факт, как отмечал А.В. Дружинин, «неприятно действует на читателя, с детства своего привыкшего глядеть неласково на всякого афериста, которо-

го деловые занятия покрыты мраком неизвестности» [22, 11; 13, 373; 21, 321; 14, 455].

Видимо именно этим обосновывается то, что Штолец, человек внешне благородный и положительный, характеризовался как «существо бездомное, ограниченное, тупое, не привязанное ни к чему, кроме ежедневного барыша и заработка, <...> у которого всякий шаг, минута и копейка рассчитаны на сорок лет вперед», не исключая даже сферы сердечных дел. О нем писали, что он бодр бодростью физиологической, а не духовной, что жизнь переживает рассудком, а не сердцем («он жил во всех отношениях по линейке, по циркулю и по ватерпасу, не хватал никогда через край, умел все заранее рассчитать и предвидеть, никогда ничем не увлекался и ничем не жертвовал»). Эта рассудочность, несмотря на признание ее стратегической эффективности, вызывала у русских читателей тоску, подобно той, о которой говорила жена Штольца Ольга, находясь в зените своего семейного благополучия: отчего так грустно, отчего вдруг покажется, что в жизни как будто не все есть [15, 332; 19, 32; 4, 616; 20, 250; 8, 383].

Подобные чувства пережил Гончаров, соприкоснувшись с капиталистической цивилизацией английского образца во время своего кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». Восхищаясь достижениями жителей Туманного Альбиона во многих областях социально-экономической деятельности, он замечал: «...но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона... Незаметно, чтоб общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала... Кажется, честность, справедливость, сострадание добываются как каменный уголь, так что в статистических таблицах можно, рядом с итогом стальных вещей, бумажных тканей, показывать, что вот таким-то законом, для той провинции или колонии добыто столько-то правосудия, или для такого дела подбавлено в общественную массу материала для выработки тишины, смягчения нравов и т.п. Эти добродетели приложены там, где их нужно, и вертятся, как колеса, оттого они лишены теплоты и прелести... Добродетель лишена своих лучей; она принадлежит обществу, нации, а не человеку, не сердцу». И далее, подобно Обломову, Гончаров вопрошал: «Но, может быть, это все равно для блага целого человечества: любить добро за его безусловное изящество и быть честным, добрым и справедливым – даром, без всякой цели... Казалось бы, все равно, но отчего же это противно?» [9, 45].

Аналогичные мысли высказывали многие современники Гончарова. Так, например, П.В. - Анненков, признавая все преимущества материальной обустроенности западного мира, тем не менее, восклицал: «Но я скучаю!». Не менее эмоциональным в своих суждениях был и В.Г. - Белинский. Он писал: «Я уважаю расчетливость и аккуратность немцев, которые умеют никогда не забываться и не отвлекаться... уважаю немцев за это, но не люблю их»; «их добродетели уважаешь, а не любишь» [3, 67; 5, 447].

Пожалуй, в этих «противно», «скучаю» и «не люблю» наиболее рельефно проявилось чисто интуитивное, иррациональное, расходящееся со здравым смыслом отторжение наступающего на Россию буржуазного прагматизма («нашу Россию да избавь Господь от всех этих медицинских пособий, от этих холодных пиявок (Штольцев с К – О.С.), рукою немецкого доктора приставленных к ее горячему сердцу!») и нежелание расстаться с традицией теплоты межличностных отношений [4, 629]. В этом контексте показательным замечание Белинского: «Возьмем противоположную крайность – мотов, расточителей, прожигателей, гуляк, даже развратников: в них не редкость встретить черты доброты, человеколюбия, широту натуры, человечность. <...> Из этой параллели, – обращался он к Боткину, – ты, пожалуй, заключишь, что я не уважаю труда, и в гуляке праздном вижу идеал человека. Нет, это не так. В гуляках я вижу потерянных людей, но людей, а в наживальщиках я не вижу никаких людей...» [5, 450]. Не случайно подавляющее большинство российских мыслителей ставили Обломова со всеми его пороками гораздо выше штольцевщины и адуевщины, подчеркивая, что Илья Ильич с его честной и доброй душой «любезен всем... и стоит

беспредельной любви» [14, 448; 11, 329; 4, 600; 20, 248; 18, 173].

На наш взгляд, эти суждения о романе и мысли, «примыкающие» к мотивам романа, практически совпали с его основной идеей, связанной с внешним отрицанием и порицанием обломовщины при одновременном тайно-сокровенном ее признании и прославлении как духовно чистого начала, не желающего поклониться «идолу лжи». Сопоставляя ее с прагматизмом представителей нового социального слоя, олицетворяемого образом Штольца, отечественные мыслители заявляли, что «из черт, недостающих Обломову и России, не построишь ни идеального человека, ни идеального общества» [25, 187]. Вглядываясь в Обломова, они признавали чрезвычайную притягательность этой натуры.

Следуя по пути не рассудочной правды, а духовной истины, Обломов интуитивно отторгал предлагаемые ему формы деятельности и вопрошал об ином бытии, в котором духовные запросы не вступали бы в противоречие с делами повседневности, превращая дела в делание и переводя их из области материальной ограниченности в сферу трансцендентной безбрежности. Не случайно они считали, что неудача Штольца в его попытках пробудить Обломова не дает оснований полагать, что этого не удалось бы сделать никому другому, и выражали надежду, что всемогущее слово «вперед!» еще будет произнесено на родном для русской души языке.

Предпринятый анализ позволяет заключить, что через образ Обломова и его интерпретацию отечественные мыслители XIX – начала XX вв., с одной стороны, выразили свое понимание сущности русского национального характера, а с другой – заявили о себе как о его непосредственных носителях.

28.06.2010

Список литературы:

1. Аксаков К.С. О различии между сказками и песнями русскими (По поводу одной статьи) // Московские ведомости. – 1852. – № 153.
2. Анненский И.Ф. Гончаров и его Обломов // Русская школа. – 1892. – № 4.
3. Анненков П.В. Письма из-за границы // Анненков В.П. Парижские письма / ред. И.Н. Конобеевская. – М.: Наука, 1984.
4. Ашхарумов Н. Обломов. Роман И. Гончарова. 1859 // Русский вестник. – 1860. – № 1-2.
5. Белинский В.Г. В.Г. Белинский – В.П. Боткину (2-6 февраля 1847 г.) // Полн. собр. соч. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – Т. 12.
6. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М.: «Сварог и К», 1997.
7. Введенский А.И. Общественное самосознание в русской литературе. Критические очерки. – СПб.: Издательство М.П. Мельникова, 1909.
8. Гончаров И.А. Обломов // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. – Т. 4.
9. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. – Т. 2.
10. Гончаров И.А. И.А. Гончаров – С.А. Никитенко (8 июля 1860 г.) // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. – Т. 8.
11. Григорьев Ап. И.С. Тургенев и его деятельность (по поводу романа «Дворянское гнездо»). Письма к г. Г.А.К.Б. // Литературная критика. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1976.
12. Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. – 1972. – № 1.

13. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Литературная критика: в 2 т. – Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1984. – Т. 1.
14. Дружинин А.В. «Обломов» Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. – М.: Современник, 1988.
15. Елагин Ю. (Говоруха-Отрок Ю.Н.) Литературно-критические очерки // Русский вестник. – 1892. – № 1.
16. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: в 3 т. М., 1997. Т. 1.
17. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1.
18. Короленко В.Г. И.А. Гончаров и молодое поколение // Русское богатство. – 1912. – № 6.
19. Кушелев-Безбородко Г.А. Значении романа нравов в наше время, по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов» // Русское слово. – 1859. – № 7.
20. Мережковский Д.С. Гончаров // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – СПб: Издательство товарищества М.О. Вольф, 1911. – Т. 13.
21. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в.: в 2 т. – М.: Издательство В.М. Саблина, 1906-1907. – Т. 1.
22. Писарев Д.И. Обломов // Сочинения: в 4 т. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. – Т. 1.
23. Смирнова О.А. Художественная литература как источник изучения общественных умонастроений // Художественная литература как историко-психологический источник. Материалы XVI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2004 г. – СПб.: Нестор, 2004.
24. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
25. Трубецкой Е.Н. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой // Новый мир. – 1993. – № 9.

Сведения об авторе: **Смирнова Ольга Алексеевна**, доцент кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей, кандидат исторических наук, доцент
460000, г. Оренбург, ул. Ленинская, д. 27. каб. 5, тел. (3532) 772523, e-mail oasmirnoff@rambler.ru

UDC 9(C)16**Smirnova O.A.****THE NOVEL «OBLOMOV» AND DISCUSSION ABOUT ITS HERO IN XIX–BEGINNING OF XX CENTURY AS SOURCE FOR RUSSIAN NATIONAL CHARACTER SPECIFIC UNDERSTANDING STUDYING**

The article is devoted to the analysis of the discussion that took place in the Russian intelligentsia environment in the second half of the XIX – beginning of the XX century, on the occasion of “Obломov” by I.A. Goncharov. The author shows that this novel was perceived by the main part of the intellectual society like a concentrated expression of national traits of character and a world outlook of a Russian person.

The key notions: social conception, Russian understanding tradition, social and psychological approach, moral philosophy, labour motivation, national character.

Bibliography:

1. Aksakov K.S. About the difference between fairy-tales and Russian songs (about one article) // Moscow vedomosti. – 1852. – № 153.
2. Annensky I.F. Goncharov and his Oblomov // Russian school. – 1892. – № 4.
3. Annenkov P.V. Letters from abroad // Annenkov V.P. Paris letters / edit. I.N. Konobeevskaya. – М.: Science, 1984.
4. Ashkharumov N. Oblomov. Novel by I. Goncharov. 1859 // Russian journal. – 1860. – № 1-2.
5. Belinsky V.G. V.G. Belinsky – to V.P. Botkin (2-6 February 1847) // Omnibus edition – М.: AS USSR, 1956. – V. 12.
6. Berdyaev N.A. The fate of Russia // Berdyaev N.A. Russian idea. The fate of Russia. – М.: “Svarog and K”, 1997.
7. Vvedensky A.I. Social consciousness in Russian literature. Critical essays. – St. Petersburg.: M.P.Melnikov Publishing house, 1909.
8. Goncharov I.A. Oblomov // Collected works: in 6 v. – М.: State literary publishing house, 1959. – V. 4.
9. Goncharov I.A. Frigate “Pallada” // Collected works: in 6 v. – М.: State literary publishing house, 1959. – V. 2.
10. Goncharov I.A. I.A. Goncharov – S.A. Nikitenko (8 July 1860) // Collected works: in 8 v. – М.: State literary publishing house, 1955. – V. 8.
11. Grigoriev Ap. I.S. Turgenev and his activity (about the novel “A nest of Gentlefolk”). Letters to mr. G.A.K.B. // Literary criticism. – М.: State literary publishing house, 1976.
12. Gumilev L.N. Can a Belles-Lettres product be a historical source? // Russian literature. – 1972. – № 1.
13. Dobrolubov N.A. What is oblomovshchina? // Literary criticism: in 2 v. – Л.: State literary publishing house, 1984. – V. 1.
14. Druzhinin A.V. “Obломov” The novel by I.A. Goncharov. Two volumes. St. Petersburg, 1859 // Druzhinin A.V. The beautiful and the eternal. – М.: Contemporary, 1988.
15. Elagin U. (Govorukha-Отрок U.N.) Literary-critical essays // Russian messenger. – 1892. – № 1.
16. Ivanov-Razumnik R.V. The history of Russian social thought: in 3 v. М., 1997. V. 1.
17. Kluchevsky V.O. A course of Russian history // Kluchevsky V.O. Essays: in 9 v. М.: Idea, 1987. V. 1.
18. Korolenko V. I.A. Goncharov and the new generation // Russian wealth. – 1912. – № 6.
19. Kusheliev-Bezborodko G.A. The meaning of novel of manners nowadays, about the new novel “Obломov” by Goncharov // Russian word. – 1859. – № 7
20. Merezkovsky D.S. Goncharov // Merezkovsky D.S. Omnibus edition: in 17 v. – St. Petersburg: publishing house of M.O. Volf partnership, 1911. – V. 13.
21. Ovsyaniko-Kulikovsky D.N. The history of Russian intelligentsia. The outcome of Russian literature of XIX c.: in 2 v. – М.: V.M. Sablin publishing house, 1906-1907. – V. 1.
22. Pisarev D.I. Oblomov // Essays: in 4 v. – М.: Fiction, 1955. – V. 1.
23. Smirnova O.A. Fiction as a means of social mentalities study // Fiction as historical and psychological source. Papers of XVI international scientific conference, Saint Petersburg, 14-15 December 2004. – St. Petersburg: Nestor, 2004.
24. Trubetskoi E.N. “Another realm” and its finders in Russian folk tale // Trubetskoi E.N. Selected works. – Ростов-on-Don: Feniks, 1998.
25. Trubetskoi E.N. E.N.Trubetskoi – to M.K. Morozova // New world. – 1993. – № 9.